

И ловишь себя на том, что и сам не сказал спасибо близким, родным и любимым. Надо сказать. Написать старым друзьям, с которыми не виделись уже несколько лет, позвонить маме или сказать искренне «спасибо» случайному прохожему за то, что довел до нужного места. Если цель этой серии, этой книги — напомнить, что некоторые «мелочи» отнюдь не мелочи, то, как мне кажется, ее вполне удастся воплотить.

Юлия КЛИМОВА

ПОЧЕМУ ОТРАВИЛАСЬ МАРУСЯ

Маруся отравилась. Секс и смерть в 1920-е / Сост. Д. Быков.

М.: АСТ, редакция Елены Шубиной, 2018.

Секс и межполовые отношения — тема всегда достаточно острая и вызывающая бурные дискуссии. Особенно если это тема секса и межполовых отношений не в наши дни, а в какой-нибудь исторический период. Особенно если это тема секса и межполовых отношений в СССР, объективное представление о которой можно составить не по обрывкам документов, а по воспоминаниям живых — пусть и достаточно пожилых — людей. И по документам, и по воспоминаниям эпоха 1920—1930-х годов представляется как зарождение нового государства, тяжелая работа, рождение промышленности в поту и крови, «пятилетка за три года», на фоне которых нет места никаким отношениям мужчины и женщины, кроме как создания новых здоровых ячеек общества и рождения и воспитания новых граждан... В этом плане антология Дмитрия Быкова «Маруся отравилась. Секс и смерть в 1920-е» — самая настоящая бомба. Причем не простенький сверток динамита с часовым механизмом, а что-то наподобие того, что взорвалось над Хиросимой.

Оказывается, про любовь (в том числе и плотскую) в 1920-е все же писали, и писали достаточно много. Быков, по его собственным словам, отобрал наиболее хорошие или наиболее показательные тексты; в результате получилось нечто вроде лоскутного одеяла, верхний край которого составляет вступительная статья самого Быкова. Основной посыл данной статьи — в 1920-х годах с сексом и межполовыми отношениями все было очень плохо. Точнее, с этим все плохо было еще в Серебряном веке, но после революции и Гражданской войны все стало еще хуже: если до революции стрелялись, травились и участвовали в свальном грехе по большей части от нечего делать, то после революции травились, стрелялись и участвовали в свальном грехе от разочарования в жизни в целом и в социальной революции в частности. Дивный новый мир не наступил сразу, сексуальная революция тоже провалилась; моральную и сексуальную деградацию Серебряного века продолжили люди «классом ниже» — рабочие и работницы — и пали ниже некуда — до приравнивания полового влечения к естественным оправлениям организма; если Серебряный век — это время разврата, то 1920-е годы, по мнению Быкова, — это триумф пошлости в худшем ее проявлении.

Нельзя сказать, что Быков так уж не прав в своей вступительной статье: период нэпа действительно был свободнее в плане сексуальных отношений, чем в последующие годы, — но во многом он утрирует. Вдобавок он рассматривает вполне определенную социальную прослойку — ту, для которой писались и которой читались подобные тексты. Впрочем, невзирая на субъективность, Быков достаточно грамотно подходит и к подбору материала для антологии, и к его освещению во вступительной статье.

Общая идея построения сборника вырисовывается довольно слабо. Можно было бы подумать, что сначала идут стихи, потом проза — нет, стихи располагаются и в на-

чале, и в конце сборника. Можно было бы подумать, что тексты располагаются в соответствии с качеством материала — хорошие произведения чередуются с откровенной бульварщиной, — но нет, рядом публикуются «Антисексус» Платонова и «Гадюка» Толстого, стихи Молчанова и стихи Маяковского. Крупные и малые тексты? Уже ближе — тексты, приводимые полностью, чередуются с отрывками из других текстов и небольшими рассказами. Однако, вероятнее всего, Быков не ставил перед собой задачу выстроить сборник по какому-то одному принципу, его цель была иной — показать картину того времени и тех нравов во всей возможной полноте.

Объективно из всех текстов антологии можно выделить, наверное, две ключевые темы, так или иначе связанные с моралью и межполовыми отношениями. Первая тема — необходимость для девушек, воспитанных в старой системе ценностей, каким-то образом приспособиться к новой морали и к новой системе ценностей. Как правило, у них не получается, и все сводится к двум вариантам: или девушка скатывается по наклонной плоскости и превращается в падшую женщину (фактически — бесплатную проститутку для так называемых «товарищей»), или же оказывается в каком-то смысле «на обочине» современной ей молодежной жизни. Первый случай — это Таня Аристархова из «Луны с правой стороны...» Малашкина: что бы она или ее «товарищи» ни говорили, но фактически после переезда в Москву девушка пошла по рукам; «травка» и беспорядочные половые связи, короткий брак и однополая связь привели ее к вполне закономерному финалу (правда, в следующей небольшой главе автор утверждает, что все, мол, закончилось хорошо, но в сочетании с фразой о том, что он «не мог с такой концовкой отнести ее ни в один журнал и ни в одно издательство», в это верится слабо). Второй вариант — безымянная девушка из рассказа Романова «Без черемухи», женские персонажи «Собачьего переулка» Алексеева и «Дела о труп» Гумилевского. Что примечательно — в трех из перечисленных произведений происходит самоубийство женщины, по мнению Быкова, оттого, что ею все уже перепробовано, а по-настоящему — из-за подсознательной неспособности приладиться, приспособиться к новым моральным нормам. Как нельзя лучше это состояние женщин описывает цитата из другого текста сборника — «Первой любви» Вигилянского: «Вот-вот, казалось ей, распахнутся все сорок дверей по обе стороны коридора, сотни глаз будут провожать ее до далекой лестницы, сотни восклицаний „шлюха“, „потаскушка“ обожгут ее, подталкивая в спину...» Об этом прямо не пишется — но об этом читается между строк.

Вторая тема, всплывающая во всех крупных произведениях сборника, — тема семьи и детей. И посыл каждого произведения, гласный или негласный, таков: семью и детей в привычном понимании в сложившихся (или описанных) условиях иметь нельзя. Потому, что привычное понятие семьи — мужа с женой — безнадежно устарело, что надо «помогать» товарищам и товарищам своих женихов или невест (как написано в том же «Без черемухи»: «...невеста моего товарища на свадьбе целовала меня равно как его...»), что «индивид имеет право на свободную любовь», как писал намного позже незабвенный Филатов, и многое другое. Старые, «буржуазные» семейные связи уже нарушены, а создать новые в этой вакханалии пошлости не представляется возможным — все равно распадутся — соответственно, в этой клоаке нечего делать и детям... и поэтому тема детей плавно перетекает в тему аборт. Аборты делают все или почти все женские персонажи произведений сборника; аборт — как правило, нелегальный — становится такой же нормой жизни, как поход в кинотеатр, и даже для людей, достаточно свободно относящихся к вопросу секса и беременности, это может показаться жутковатым. Иногда, впрочем, тема детей и тема абортов не перетекают одна в другую, а стоят рядом — и тогда получается не сатира, а настоящий гротеск, как в рассказе «Дунькино счастье»: помощница акушерки, делавшей нелегальные аборты, «топит на суде» и саму акушерку, и ее мужа для того, чтобы... получить их комна-

ту, чтобы было где растить «нагулянного» ребенка. Делает она это, правда, не от большого ума, но сам факт менее сюрреалистическим от этого не становится.

В общем и целом сборник оставляет неоднозначное впечатление. Самое близкое ощущение — как будто окунули в грязь, в те самые прокуренные общежития с картонными стенами, смятыми постелями, закисшими бычками и непонятной вонью; с точки зрения литературности это скорее хорошо — значит, и авторам, какими бы бульварными их тексты ни были, и составителю сборника, подбиравшему материал, удалось воспроизвести то, что называется «духом эпохи»... но таким, каким он был в их понимании. Историческая объективность (тоже немаловажный компонент, если говорить о каком-то явлении в определенную эпоху) явно проигрывает «атмосферной» составляющей, и из-за этого ощущение купания в грязи только усиливается; при этом ты понимаешь, что как бы ты это ни воспринимал и как бы это ни воспроизводилось, это все же было и отворачиваться от этого — и от действительности, и от ее литературной интерпретации — нельзя. В заслугу Быкову можно однозначно поставить то, что он извлек на свет и опубликовал те тексты, которые давно забылись вместе со своими авторами, но в этом сборнике обрели фактически новую жизнь.

Наталья АБАРНИКОВА

ПРЕОДОЛЕВАЯ ТРАВМУ

Казенный дом и другие детские впечатления / Сост. Ирина Головинская.

М.: Время, 2019. 224 с. (Диалог).

Уже из аннотации мы узнаем, что «казенный дом» — это «детский сад, больница (санаторий) в любое время года или пионерлагерь (чужая дача) летом». В предисловии предлагается взглянуть на явление шире: «...любой неродительский и не родственно-дружеский дом для ребенка — это и есть дом казенный, и пребывание в нем вне домашнего тепла — это и есть опыт неволи и сиротства». И только открыв для себя рассказ Льва Рубинштейна с неброским названием «Подлива», читатель, погрузившись в мечтания «исключительно домашнего ребенка», наконец понимает, что есть «казенный дом».

«...Как бы ни была заботлива семья, как бы ни было натоплено и прибрано родительское жилье, многих из нас настигает тоскливое чувство бесприютности <...> Бывает так, что и в родительском доме человек чувствует себя как в чужом».

Так, место действия в сборнике вовсе не место, а состояние. Оттого и бесприютность иного рода — эмигрантский опыт Маши Сумниной («Адаптация») и история обретения дома Леонида Гиршовича («Человечество: план Б») — целостность сборника не нарушает.

Время действия — 50-е, 60-е, 70-е, 80-е и несколько особняком 90-е (Мария Альтерман «Воскресенск» и др.). Одно десятилетие сменяет другое, но приметы времени остаются неизменными: чемоданы и дорожные сумки, подписанные размашистым родительским почерком, подливка, молочная вермишель и компот из сухофруктов, «рыбежир» из общей ложки...

Художественная задача — «преобразовать боль, страх, стыд в текст». Писатель получает возможность изжить детскую травму вынужденного сиротства, читатель — наблюдать, «как люди по-разному реагируют на один и тот же вызов».

«Читатель, вовлекаясь в эту стихию, может сопереживать, сравнивать свои собственные переживания с теми, которыми щедро и откровенно поделились авторы сбор-